

СОБЫТИЕ *ДРУГИХ ПРОСТРАНСТВ*: О КОНФЕРЕНЦИИ «ВИЛЬНЮС::ГЕТЕРОТОПИИ» (19–21 СЕНТЯБРЯ 2013 г.)

В Вильнюсском университете прошла международная конференция «Вильнюс::Гетеротопии», организованная Кафедрой русской филологии при финансовой поддержке Совета по науке Литвы. В конференции приняли участие исследователи из Литвы, Латвии, Эстонии, Польши, России, Беларуси, Украины, Венгрии, Хорватии, Италии и США. За три дня было прочитано и прослушано более пятидесяти докладов. Параллельные секции воплотили идею гетеротопии, но, увы, исключили возможность услышать все доклады, побуждая прокладывать индивидуальные маршруты – поэтому обозначить «общий знаменатель» конференции, иначе говоря, обнаружить тот стол, на котором встречаются зонтик и швейная машинка¹, не так-то просто.

Стоит упомянуть, что Вильнюсская конференция не была первой, вынесшей в заглавие термин «гетеротопии», введенный в оборот гуманитарных наук Мишелем Фуко². К примеру, в 2005 г. в Голландии проводился коллоквиум, по следам которого вышел

сборник «Гетеротопия и город: публичное пространство постгражданского общества»³, а в 2007 г. в Солониках была организована международная конференция «Гетеротопии»⁴. Концептуальная непроработанность термина «гетеротопия» у Фуко, широта возможного применения и даже некоторая, по определению Никиты Харламова, «эзотеричность»⁵, делают его привлекательным в качестве конференционной «шапки», задающей общее направление исследований и рассуждений, однако не обязывающей к ограничениям в плане объекта и методологии.

Задача, которую ставили перед собой организаторы конференции, – не столько осмыслить понятие «гетеротопии», сколько сконцентрироваться на вопросах пространства вообще – в культуре, литературе, обществе, городе. В результате пленарные доклады демонстрировали не только методологи-

¹ Фуко М., «Предисловие», *Фуко М., Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*, С.-Петербург: «А - cad», 1994.

² Foucault M., “Of Other Spaces, Heterotopias”, *Architecture, Mouvement, Continuité* 5, 1984, p. 46–49.

³ *Heterotopia and the City: Public Space in a Post-civil Society*, ed. Michiel Dehaene, Lieven De Cauter, London: Routledge, 2008.

⁴ См.: Тимофеева О., «Гетеротопии о гетеротопиях: Междисциплинарная конференция “Гетеротопии”», *Новое литературное обозрение*, № 88 (2007).

⁵ Харламов Н., «Гетеротопии: странные места в городских пространствах постгражданского общества», *Синий диван*, 2010, № 15, с. 190.

ческое разнообразие, но и концептуальную непереваемость. Открыли конференцию пленарные доклады Марии Виролайнен (*Брачный сюжет как индикатор русских концепций пространства*) и Дмитрия Замятина (*Пространство и гетеротопия: к метагеографическому воображению*). Тон второму конференционному дню задали выступления Александра Кораблева (*Геопоэтика: вопросы теории и аналитики*) и Елены Созиной (*Сакральные гетеротопии Урала: от Биармии до Аркаима*).

Поскольку в названии конференции была заявлена не только «гетеротопия», но и «Вильнюс», приходится сожалеть о том, что не довелось услышать ни одного пленарного доклада, посвященного гетеротопиям Вильнюса. Тем не менее, в течение трех конференционных дней было прочитано до десятка выступлений, в той или иной степени связанных с Вильнюсом. Первую секцию «Теоретические аспекты гетеротопий» открыла Инга Видугирите, выступившая с докладом «*Другие пространства*» и «*другие теории*» на литературной карте Вильнюса. Во второй конференционный день Ева Рустейкайте говорила о *Коммуникации в пространстве ветшающего кладбища* (на примере кладбища Саулес в Вильнюсе), а в докладе Лары Лемперт *Вильна – посттравматические нарративы* внимание уделялось рефлексиям катастрофы вильнюсского еврейства: исчезновение еврейского облика города осознавалось как катастрофа космического масштаба, поэтому наряду с историографическими, документальными и мемуарными нарративами активно развивались мотивы

мифологизации довоенного города как идеального хронотопа. Заключительная секция конференции была целиком посвящена «другим пространствам» Вильнюса, в ней можно было услышать доклады Юлии Снежко (*Гетеротопии Вильнюса в современном литовском романе*), Римы Берташавичюте (*Гетеротопии Вильнюса в современной литовской эссеистике*) и Павла Лавринца (*Сказочный Вильнюс*).

Названия секций позволяют выделить основные контексты употребления термина «гетеротопия»: гетеротопии «реального» пространства (преимущественно городского); гетеротопии в литературных (визуальных, мемуарных и др.) текстах; гетеротопии социального пространства, культуры и истории. Понятие «гетеротопии» после Фуко лучше всего прижилось и конкретизировалось в исследованиях городского пространства. В таком, «классическом», понимании этот термин фигурировал в докладах Василия Щукина (*Ленинские горы как гетеротопный локус Культуры Два*), Елены Душечкиной (*К вопросу о сезонных гетеротопиях: ёлочные базары в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX веков*), Ольги Купцовой (*Театр как иное пространство в жизни советской и постсоветской Москвы*) и Лауры Пикколо (*Диалог между утопией и гетеротопией: советский сумасшедший дом*), сосредоточившейся на диалоге между утопией и гетеротопией, возникающем в некоторых литературных образах советского сумасшедшего дома.

Однако поскольку в конференции принимали участие преимущественно литературоведы, в большинстве докла-

дов идея «других(-ого) пространств(а)» выступала как инструмент или рамка анализа литературных текстов. Об этом рассуждал Аркадий Гольденберг в докладе *Гетеротопии в современном городском фольклоре и литературе*. На материале поэзии о «других пространствах» говорили в своих докладах Татьяна Автухович (*Виртуальные гетеротопии в современной белорусской поэзии*), Сергей Преображенский (*Децентризм vs бицентризм в мультикультурном литературном пространстве*), Яков Клоц (*Город, миф и история в стихах русской диаспоры о «9/11» в Нью-Йорке*) и Ольга Бараш (*От окраины к центру: журнал „Zeszyty Literackie“ и «триумвират поэтов» [Милош, Венцлова, Бродский]*), рассуждавшая о роли «триумвирата поэтов» (поляка, литовца и русского) в формировании «центрально-европейской гетеротопии» в западной культурной среде.

Гетеротопические пространства в прозаических текстах исследовали Александр Дырдин (*Храм и кладбище в отнологическом пространстве прозы Л. Леонова*), Чаб Шарняи (*Фольклорно-демонологические нарративы в гетеротопиях прозы В. Распутина*), Наталья Ковтун (*Иконическое пространство в прозе В. Распутина [рассказ «Изба»]*), Карла Соливетти (*«Шинель» Гоголя в свете концепции гетеротопии Фуко*), Александр Белоусов (*Гетеротопии добычинского «Города Эн»*), Анастасия Сысоева (*Мистическая гетеротопия Навьего двора в романе Федора Сологуба «Творимая легенда»*), Ибойя Баги (*Мертвецы – наши соседи и сожители: «другие места» «Кладбищенских*

историй» Б. Акунина – Г. Чхартишвили), Элеонора Шестакова (*Гетеротопии города-дачи-курорта в мире И.А. Бунина*), Ясмينا Войводич (*Хронотон vs гетеротопия на примере повести В. Сорокина «Метель»*), Катажина Сыска (*Современные идиллии. Способы и функции обращения к идиллическому хрононому в избранных произведениях новейшей русской литературы*), Елена Курант (*Мифопоэтика времени и пространства: Иван Вырыпаев*), Бируте Мержвинските (*История как «третье пространство» в современном литовском романе*), Леа Пильд (*Герой «века просвещения» и национальный миф в «Ракверском романе» Яана Кросса*). Отметим, что понятие «гетеротопии» оказывается востребованным и продуктивным как при исследовании хрестоматийных авторов и текстов, так и применительно к литературе модернизма и постмодернизма.

В ряде выступлений речь шла о «девиантных», особенных, физических (коммунальное жилье), виртуальных (сны) и текстовых пространствах (блокадная документалистика, тюремная песня), производящих особые режимы субъективности и темпоральности. В этом смысле выступление, к примеру, Даниелы Вугарич Лукас (*Гетеротопичность коммунальной квартиры*) соприкасалось с рассуждениями Галины Михайловой (*Онейрическая метареальность Анны Ахматовой*), Полины Барсковой (*Блокадный Петербург: Гетеротопия и гетерохрония в образах блокадного пространства*) и Татьяны Царьковой (*«Камера народная» – тюрьма как репрезентативный локус*

«социального dna» 1920-х гг. [по материалам коллекции тюремных песен О.В. Цехновицера]).

В отдельный блок можно выделить выступления, в которых были предложены различные способы прочтения кинотекстов. Ирина Мельникова в докладе *Транзитивное пространство кино-Милана* показала как фильм «Я – это любовь» (Io sono l'amore, 2009) вступает в диалог с существовавшей до него кинематографической традицией репрезентации города и «характеризует» Милан как транзитивное пространство гетеротопии. Нийоле Кершите на примере двух фильмов (мелодрамы и боевика) продемонстрировала возможности семиотического прочтения кинотекста (*Пространство в пространстве: гетеротопии тайного протеста в кино*). Наталия Арлаускайте в докладе *Пределы архива: «Блокада» Сергея Лозницы*, оставив в стороне вопросы, связанные с конструированием образа города и пространственными метафорами, попыталась ответить на вопрос, какого рода ограничения налагает документальная съемка при ее использовании для создания художественного фильма.

Непосильной представляется задача привести к общему методологическому знаменателю различные подходы к исследованию «других пространств» языка, культуры и истории. Каждая отдельно взятая гетеротопия оказывается столь же увлекательной (скажем, *структура «академического локуса» в Тарту 1960–1980-х гг.* в изложении Татьяны Кузовкиной), сколь и неисчерпаемой (в частности, исследование Антоном Нестеровым *географических карт*

раннего Нового времени, эстетизировавших и концептуализировавших репрезентированное пространство). Упомянем в качестве примеров и другие выступления: Татьяна Степанищева, *Литераторы на поле брани: Вяземский и «наследники» Белинского*; Елена Коницкая, *Гетеротопии поствитального: словенская и русская фразеологии*; Сергей Скорвид, *К лингвистической характеристике локального сообщества жителей польско-белорусско-литовского языкового пограничья в конце XIX в. (на материале мемуаров В.Л. Скорвида)*; Регина Чичинскайте, *Трансформация топосов русской культуры в пространстве литовской культуры*; Анжелика Штейнгольд, *Сны о покойниках в западнопричудской традиции (на материале архивных и современных данных)*; Людмила Спроге, *Латгалия: локус и образ (русская беллетристика в Латвии 1920-1930-х гг.)*; Элеонора Лассан, *Облака – «другое» место русской культуры*.

Очень небольшое количество выступлений было посвящено обсуждению теоретических аспектов фукианского понятия гетеротопии. Ольга Лавренова в докладе *Гетеротопии как места иного течения времени* предложила классификацию ландшафтных гетеротопий на основе различных представлений о времени. Алексей Тимашков поставил вопрос о продуктивности методов интермедиального анализа для исследования гетеротопий (доклад *Гетеротопия культурного ландшафта как явление интермедиальности*). Таисия Лаукконен в докладе *Литературы национальных меньшинств Литвы как гетеро-*

топии обсудила фукианский термин в свете концепции «литературного поля» Пьера Бурдьё. Тюнде Сабо сопоставила шесть принципов гетеротопологии Фуко с положениями Ю. Лотмана о семиосфере и его рассуждениями о тексте, а также указала на то, что в романе Улицкой жизненный путь главного героя проходит через гетеротопии истории XX в., а сам нарративный пласт произведения строится из «текстовых гетеротопий» (доклад *Гетеротопии истории и гетеротопии наррации – роман Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик»*). В целом, в теоретическую дискуссию о гетеротопиях, которая ведется уже давно⁶, существенного вклада вильнюсская конференция не внесла.

«Коллективная» значимость конференции как научного события и со-бытия, очевидно, в первую очередь связана с применением гетеротопий к исследованию литературного (и шире – художественного) пространства. Не только по той причине, что абсолютное большинство докладчиков применяли понятие гетеротопии именно в таком ключе, но еще и потому, что до сих пор не было попыток осмыслить возможности и границы применения понятия «гетеротопия» в литературоведении. Это могло бы стать осязаемым взносом в теоретическую копилку гетеротопий. Впрочем, вполне возможно, что в планирующемся издаваться итоговом сборнике статей акценты будут расставлены иначе.

Таисия Лаукконен

⁶ См., например, проект Питера Джонсона (Peter Johnson) *Heterotopian Studies*, доступный по адресу: <http://www.heterotopiastudies.com>, и, в особенности, опубликованную на сайте проекта статью «Интерпретации гетеротопии» (Interpretations of Heterotopia, <http://www.heterotopiastudies.com/wp-content/uploads/2012/05/3.1-Interpretations-pdf.pdf>).